

В.А. Дьячков, В.В. Канищев

**Прогноз роста населения России на XX в. и состоявшаяся реальность. Взгляд
«снизу» из тамбовской крестьянской среды**

**The forecast population growth in Russia XX century and held true. View from the
“bottom” (from the Tambov peasant families)**

*Статья подготовлена по результатам НИР по Государственному контракту
№ 14.740.11.0206 от 15.09. 2010 г. в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры
инновационной России» на 2009-2013 гг.*

Аннотация, abstract: В статье анализируется вопрос о причинах и механизмах нереализованности прогноза Д.И. Менделеева о масштабах роста населения России в XX в. Авторы доказывают, что этот прогноз не оправдался ввиду непредвиденных социально-политических катастроф в стране в первой половине XX в. и перехода к современному типу воспроизводства населения во второй половине столетия. Особое внимание уделено анализу локальных и микроданных тамбовского села, которые при взгляде «снизу» позволили четче представить соотношение катастрофических и эволюционно-модернизационных аспектов демографического развития страны. The article views the reasons of failure of Dm. Mendeleev's prognosis on Russia's population growth through the 1st half of the 20th c. due to synergic interaction of factors of catastrophe and modernity origin. The argument is based on regional continuous vital statistics, the Books of

Memory, mass female questionnaires and prosopography.

Авторы, authors: Дьячков Владимир Львович – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, к.и.н., доцент, valkan@mail.ru

Канищев Валерий Владимирович – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, доктор исторических наук, профессор, valkan@mail.ru

Dyachkov, V.L. – Tambov State University, Tambov, Russian Federation, PhD, Assoc. Professor, valkan@mail.ru

Kanishchev, V.V. – Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor, valkan@mail.ru

Ключевые слова, keywords: историческая прогностика, историческая демография, социально-политические катастрофы, эволюционное развитие народонаселения

УДК: 902

В последнее время в средствах массовой информации часто ставится вопрос о прогнозе изменений численности населения Российской империи, данном в 1907 г. великим русским ученым Д.И. Менделеевым в работе «К познанию России» на полтора столетия вперед: к 1950 г. – 280 млн чел., к 2000 г. – 590 млн чел., к 2050 г. – 800 млн чел. Неосуществленность этого прогноза должна лишний раз предостеречь ученых от предсказаний, основанных на анализе ретроспективных данных (в данном случае речь идет о том, что Менделеев распространил на XX-XXI вв. 1,5-процентный годовой прирост населения России, вычисленный им из демографических темпов второй половины XIX в.).

Конечно, научное изучение несбыточных прогнозов во многом лишено смысла. Тем более, в данном случае мы имеем дело с прогнозом применительно к стране, которая в течение столетия как минимум дважды коренным образом преобразовывалась, меняла границы и соответственно численность населения.

И все-таки научное осмысление проблемы имеет определенное значение. Во-первых, историки все больше отходят от категорического отрицания сослагательного наклонения и видят немалые эвристические возможности в обсуждении исторических ситуаций типа «если бы», в данном случае в целях углубления понимания механизмов демографических процессов. Во-вторых, необходимы квалифицированные комментарии к той ажиотажной, во многом спекулятивной и политизированной шумихе, которая сейчас развернулась вокруг менделеевского прогноза.

В современной историко-демографической научной литературе и особенно в публици-

стике при рассмотрении вопросов сокращения российского народонаселения в XX в. основное внимание уделяется потерям вследствие различных катастроф. В принципе это вписывается в понимание причин коренной перемены в демографическом поведении россиян в двадцатом столетии как нарастании в течение века преобладания факторов экзогенного по отношению к аграрному социуму характера. До 1910-х годов в демографии российского социума, в огромной мере крестьянского земледельческого мира, сказывались в первую очередь природно-климатические факторы (эндогенные для аграрного общества), вызывавшие неурожаи, голодовки, эпидемии, которые и определяли колебания браков, рождений, смертей и естественного прироста населения. Первая мировая война стала первым для крестьянского сообщества внешним (экзогенным) явлением, которое отразилось на демографическом поведении селян на микроуровне. С этого же времени, а особенно после введения большевиками продразверстки началось резкое вмешательство государства в крестьянскую повседневность, связанное с массовым изъятием продовольствия из деревни. После небольшой «нэповской паузы» это вмешательство резко усилилось в конце 1920 – начале 1930-х годов (принудительные хлебозаготовки, плановое изъятие хлеба в колхозах, раскулачивание крепких хозяйств, политические репрессии в отношении крестьянства и т.п.). Самым мощным внешним для традиционного общества демографическим фактором стала Великая Отечественная война, тяжелейшие последствия которой были усилены очередным эндогенным во многом голодом 1946-1947 гг.

Все эти потери в наибольшей мере отразились на судьбах крестьянства, которое до 1960-х гг. было самой многочисленной и наиболее

«напрягаемой» властью частью российского общества. Крестьянство, не имевшее почти никаких «бронеи», было основным поставщиком солдат в армию, «бойцов» различных «трудовых фронтов», из крестьянской среды шла наиболее масштабная мобилизация различных ресурсов на содержание государства, особенно армии, проведение индустриализации, восстановление разрушенного войнами народного хозяйства в целом.

Катастрофические потери тамбовского села по формам не отличались от общероссийских. Это понятно, поскольку причины таких печальных явлений носили макроисторический характер. Единственным специфическим региональным явлением с разнообразными потерями было масштабное крестьянское восстание 1920-1921 гг. Все остальные формы катастрофических потерь отличались от общероссийских только степенью интенсивности.

Так, гибель тамбовских призывников в Первой мировой войне, по расчетам В.Л. Дьячкова, составила около 25 тыс. чел. или 0,8 % от довоенного населения губернии²⁴. В российском масштабе удельный вес в населении погибших солдат по максимальным расчетам равнялся 2 с лишним млн чел. или почти 3 процентам населения России (в современных границах)²⁵, а по оптимальным и в масштабах империи – 370-380 тыс. чел. или 0,5% населения. Потери тамбовских красноармейцев в Гражданской войне, как подсчитал В.Л. Дьяч-

24 Дьячков В.Л. Межвоенная интерлюдия: Социально-демографическое развитие Тамбовского края в 1914 – июне 1941 гг. //Вестник Тамбовского университета. Кафедра российской истории. 1994-2009. С. 186-196.

25 Здесь и далее цифры катастрофических потерь российского масштаба взяты из: Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.

ков, равнялись 30 тыс. чел. (0,9% от наличного населения губернии в 1917 г.)²⁶. Сюда следует добавить 15 тыс. непосредственных жертв «Антоновщины». Другими словами, в 1918-1921 гг. губерния потеряла максимум 45 тыс. жителей, что не превышало 1,5% ее численности. Общероссийские показатели составили максимум соответственно 3,3 млн чел. или 3%. Думается, что заметные различия между локальными и общероссийскими процентами потерь в Мировой и Гражданских войнах не связаны с какими-то особыми боевыми качествами тамбовских солдат. Вероятнее, расчеты на локальном уровне получаются более близкими к истине, чем громадные общероссийские цифры с большим разбросом значений и в принципиально менявшихся границах.

Катастрофические потери коллективизации начала 1930-х гг., голода 1932-1933 гг. и репрессий 1930-х гг. современные историки оценивают в 3,7 млн чел. (почти 4% от населения России в 1926 г.) и распределяют их следующим образом: смерть от голода 1932-1933 гг. в наиболее пострадавших регионах – 1,5 млн чел., гибель в местах заключения – 1 млн чел., избыточная смертность, особенно детей и младенцев – 1,2 млн чел.²⁷

Региональные и субрегиональные (районные) тамбовские данные позволяют конкретизировать эти оценки. Так, данные о численности населения поддающихся сопоставлению 15 районов будущей Тамбовской области на 1 января 1930 г. и 1 января 1933 г. (до начала сильного голода в регионе) свидетель-

26 Дьячков В.Л. Межвоенная интерлюдия: Социально-демографическое развитие Тамбовского края в 1914 – июне 1941 гг. //Вестник Тамбовского университета. Кафедра российской истории. 1994-2009. С. 186-196.

27 Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 14.

ствуют о том, что в 11 из них число жителей в первые три года коллективизации сократилось. На отрезке 1 января 1933 г. – 1 января 1936 г. известные данные позволяют сопоставить ситуацию в 26 районах будущей Тамбовской области: в 19 население уменьшилось, но в 7 – выросло. Конечно, эти первые наблюдения требуют дальнейшего уточнения. Но ясно одно – уже коллективизация вызвала спад численности населения в деревне, а голод, хотя и сильно, но неравномерно «ударил» по территории области²⁸.

Еще более «пеструю» картину показали первичные ЗАГСовские материалы, изученные тамбовскими историками на данный момент по 5 сельским советам. Так, в с. Малые Пупки Сосновского района 1932 г. по смертности был «обычным». Наибольший, явно экстремальный подъем количества смертей в селе пришелся на 1934 г. 1933 г. также был экстремальным, но в меньшей мере. В райцентре Сосновка, всего в нескольких км от Малых Пупок 1932 г. был также «обычным», 1933 г. также экстремальным, а вот 1934 г. был вновь «обычным». В с. Пахотный Угол Бондарского района (несколько десятков км восточнее) 1933 г. был явно экстремальным, но в 1934 г. также произошел резкий спад числа смертей жителей села (по 1932 г. сведений нет). На самом юге области, в с. Павлодар Жердевского района 1933 г. принес действительно резкое повышение числа смертей в сравнении с 1930-1932 гг. Но этот рост не превысил рождаемость и существенно сократился в 1934 г. В 1936 г. число смертей в Павлодаре оказалось выше показателя 1933 г. В поселке Искра того же района повышенное число умерших принесли 1932 и 1933 гг., но

28 Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф.Р-3668. Оп. Д.58. Лл.1, 1об, 5, 5 об.

в 1934 и последующие годы это число стало меньше вдвое.

Данные по нескольким поселениям Тамбовской области отличаются от результатов исследований П.В. Загоровского по истории ЦЧО в целом, которые показали, что спад численности сельского населения начался в целом по региону с 1932 г. Число «жертв» голода 1933 г. в регионе он определил почти в 200 тыс. чел.²⁹ Учитывая, что Тамбовская область несколько меньше пострадала от голода, чем юго-западная часть ЦЧО, цифру смертельных потерь для этой территории можно определить как максимум 40 тыс. чел., в т.ч. 35 тыс. чел. в сельской местности.

Применительно к 1930-м гг. приходится учитывать и такие потери деревни, как раскулачивание и политические репрессии. По нашим подсчетам, на территории современной Тамбовской области с высылкой за ее пределы было раскулачено максимум 25-27 тыс. чел. Конечно, для страны в целом не все эти люди стали прямыми потерями. Но для тамбовской деревни это было примерно 1,5% жителей.³⁰ По РСФСР число раскулаченных оценивается в 1 млн чел.,³¹ что составляло 1,3% от насе-

29 Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998. С.64.

30 Дьячков В.Л., Канищев В.В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920-1990-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Вып.8.

31 Вербицкая О.М. Социально-демографическое развитие сельского населения России в 1930-е гг. // Проблемы исторической демографии и исторической географии. Сб. научных статей по материалам Всероссийской заочной научной конференции «Проблемы исторической демографии и исторической географии», апрель 2007 г. / Под ред. Ю.А. Полякова. Ниж-

ления России в 1926 г. Мы видим, что Тамбовщина несколько больше пострадала в смысле высылки так называемых кулаков.

Но Тамбовская область меньше, чем Россия в целом, пострадала от политических репрессий 1920-1950-х гг. По оценочным данным, предположенным на основе базы данных реабилитированных жертв репрессий, составленной сотрудниками областного управления ФСБ и Государственного архива Тамбовской области еще в 1990-е гг.³², в области было репрессировано около 25 тыс. чел. С другой стороны, с учетом того, что репрессиям подвергались, как правило, мужчины детородного возраста, выбывавшие из Тамбовской области, косвенные потери оказались большими, чем при коллективизации. Мы сознательно не сравниваем цифры потерь сельского населения Тамбовской области с общероссийскими данными, поскольку они существенно отличаются по структуре. Для области, где не было лагерей и тем более в сельской местности, политические репрессии были выбытием за пределы региона с трудноопределимым числом вернувшихся реабилитированных. Но репрессированные не выбывали из страны, далеко не все из них погибли, при разных формах отбывания наказаний (прежде всего мы имеем в виду ссыльных) могли воспроизводить детей. Наконец, в масштабах России проще определить число реабилитированных, независимо от того, куда конкретно они вернулись.

С катастрофическими потерями СССР в годы Великой Отечественной войны современные историки в целом определились. Но все-таки

ний Новгород, 2008. С. 23.
32 Дьячков В.Л. Репрессии 1941-1945 гг.: методология изучения и фактор военного социально-демографического развития Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Вып.8.

остались отдельные вопросы по этим цифрам, появляются новые подходы к их определению. Так, остается открытым вопрос о потерях сельского населения в 1940-1947 гг. По нашим расчетам, построенным на материалах архивов, Книг Памяти и «заговской» статистики, на этом отрезке боевые действия в трех войнах и только голод 1946-1947 гг. убили около 250 тыс. тамбовских сельчан. К этим сотням тысяч – на 98% мужских – жизни следует добавить десятки тысяч сельских жизней (особенно детских), взятых голодом и болезнями военного времени³³.

Число «жертв» голода 1946-1947 гг. для РСФСР в целом максимально определяется в 1 млн чел. Убыль сельского населения Тамбовской области еще предстоит определить. В исторической литературе на этот счет имеются весьма общие соображения. Так, В.Б. Жиромская, не приводя конкретных цифр, отмечает, что в 1947 г. в Тамбовской области смертность превысила рождаемость в 1,2 раза³⁴. Тамбовские историки располагают на данный момент сведениями о числе смертей в эти годы по 15 сельским советам восьми районов области. В с. Малые Пупки Сосновского района 1946 и 1947 гг. по смертности были более чем «обычными», в каждый из этих двух лет в селе умирало чуть ли не вдвое меньше, чем в 1945 г., а среднее число смертей оказалось намного меньше общего тренда 1920-1990-х гг. Число рождений в 1946 г. превысило число смертей вдвое, а 1947 г. – втрое.

В райцентре Сосновка, всего в нескольких км от Малых Пупок, показатели числа смертей в

33 См. Дьячков В.Л. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. и социально-демографическое развитие Тамбовской области. Тамбов, 2010.

34 Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений. 1946-1960. М., 2009. С.182.

1946 и 1947 гг. также были ниже тренда 1920-1990-х гг. Число рождений здесь тоже значительно превышало число смертей. Небольшая особенность Сосновки была в том, что здесь в отличие от Малых Пупок голод 1947 г. повлиял на некоторый спад рождаемости в 1948 г. Но положительный естественный прирост в Сосновке сохранился.

В с. Пахотный Угол Бондарского района по 1947 г. сведений о смертях нет, а в 1946 г. число умерших оказалась наименьшим за весь период с 1926 г. И все-таки, видимо, последствия голода проявились здесь в некотором росте числа смертей в 1948 г. Число же рождений в селе в 1946 г. было наивысшим за весь послевоенный период. В 1947 г. этот показатель несколько сократился, но, судя по всему, превысил число смертей. После некоторого подъема в 1948 и 1949 гг. число рождений Пахотном Углу в 1950-1953 гг. сократилось даже ниже уровня 1947 г.

С. Павлодар Жердевского района оказалось единственным в нашей выборке, где в 1946 г. дал превышение числа смертей над числом родившихся. 1947 г. продемонстрировал положительный естественный прирост. При этом число смертей в этом, казалось бы, голодном году было меньшим, чем в предыдущий год.

В поселке Искра того же района и 1946, и 1947 годы закончились с положительным естественным приростом, хотя было заметно некоторое снижение числа рождений и роста числа смертей в 1947 г. Снижение численности родившихся наблюдалось и 1948 г. Однако число смертей в этот год сократилось еще больше.

В с. Парский Угол Моршанского района при весьма положительном приросте число смертей в 1946-1947 гг. было меньше, чем в 1945

г. и в 1948 г. То же наблюдалось и в сельском райцентре 2-я Гавриловка.

В оба эти года индекс прироста оказался меньше 1 лишь в с. Лаврово Мордовского района в и татарской деревне Энгуразово Уваровского района, что обеспечило нашей выборке в целом его общине довольно высокие – ок. 2,5 – значения. (См. рис.1 приложение) В отличие от голода полуциклом ранее минимизацией потерь тамбовская деревня была обязана экзогенными «спасающими» действиями власти.

Таким образом, выборочные данные о демографических процессах в отдельных поселениях Тамбовской области в 1946-1947 гг. позволяют говорить только о «пестроте» этих процессов. Во всяком случае, можно утверждать о том, что голод этих лет не повсеместно имел катастрофические демографические последствия, т.е. число смертей не везде превышало число рождений.

В целом катастрофические потери сельского населения Тамбовской области в первой половине XX в., по максимальным расчетам, составили 400 тыс. чел. или около 30% его численности на 1897 г. В общероссийских расчетах максимальная доля катастрофических потерь также доходит чуть ли не до одной трети. Несложно понять, что аграрная, населенная в огромной мере крестьянами Тамбовская область оказалась в этом смысле типичной. Россия прежде всего теряла в различных катастрофах крестьянское население.

Если следовать темпам, предложенных в прогнозе Д.И. Менделеева, число селян в Тамбовской области должно было в 1950 г. превышать 3 млн чел. Наличное же сельское население региона в самой середине XX в. исчислялось 1,2 млн чел. Несложно определить,

что большая часть потерь не была прямым следствием катастрофических событий первой половины столетия.

Необходимо учесть собственно демографические процессы, которые развивались не только под влиянием катастрофических, но и модернизационно-эволюционных или культурно-эволюционных факторов.

Для понимания разнообразия демографических процессов мы решили обратиться прежде всего к данным об изменениях численности сельского населения России в целом и Тамбовской области (в сопоставимых границах) в частности на нескольких отрезках XX в. (см. приложение, табл. 1).

Эти данные в первую очередь говорят о том, что на отрезке 1897-1917 гг. число селян в России выросло почти на треть, что было близко к прогнозу Д.И. Менделеева. При этом доля сельских жителей росла медленнее доли горожан и к году «Великой революции» сократилась на 2%. Понятно, что такое могло во многом произойти ввиду массовой миграции из села. Главным образом выезжали представители молодых возрастов, что, в свою очередь, вело к понижению сельского коэффициента рождаемости. В Тамбовской губернии (в границах современной Тамбовской области) сельское население за 20 лет после Первой Всеобщей переписи увеличилось примерно на 370 тыс. чел. или немногим более чем на четверть. Не думаем, что темпы прироста населения тамбовского села были ниже соответствующего общероссийского показателя. Скорее, дело было в том, что численность сельских жителей Тамбовской губернии в 1917 г. (без учета точно известного числа мужчин, находившихся в армии) посчитана точнее общероссийской цифры, которая определялась примерным выделением насе-

ления в современных границах Российской Федерации из населения России империи на 1917 г. Тем самым, мы получаем очередное подтверждение важности сочетания макро- и мезо- (в данном случае погубернских) демографических показателей.

Доля сельских жителей в общем составе населения Тамбовской губернии в рассматриваемый отрезок оставалась высокой – свыше 90%. Другими словами, «сидячее» в целом на месте сельское население почти всецело определяло демографические процессы в регионе.

На общероссийском уровне можно определить только общую цифру изменения численности селян в годы Первой мировой войны. В 1913-1917 гг. оно сократилось как минимум на 5 млн чел. Это число оказалось почти на 3 млн больше потерь всей России (в т.ч. и городской) в мировой войне. Такое сокращение явно свидетельствовало о «сбое» в осуществлении прогноза Менделеева уже через 10 лет. Основным его источником был отрицательный естественный прирост.

Общие данные о демографических процессах 1914-1917 гг. в Тамбовской губернии, а также сведения на уровне ее отдельных уездов и сел позволяют конкретнее и точнее определить масштабы и причины изменений численности сельского населения региона, нежели на общероссийском уровне. В частности, для Тамбовской губернии и ее уездов выявлены данные о рождаемости и смертности в 1915 и 1916 гг., которые свидетельствуют о заметном спаде числа рождений и сопряженного с ним числа смертей (ввиду преобладания в смертях младенцев). При этом естественный прирост оставался положительным. Более того, он оказался выше, чем число тамбовцев погибших в 1914-1917 гг. на фронтах войны – более 80 тыс. против примерно 30 тыс.

чел. Но этот прирост только в 1914 и 1915 гг. был выше 1,5% в год, в 1916 и 1917 гг. он стал вдвое меньшим³⁵. Другими словами, «менделеевский график» в годы Первой мировой войны перестал соблюдаться и в плодovitой Тамбовской губернии.

Имеющиеся в нашем распоряжении метрические сведения по 14 сельским приходам Тамбовской и Орловской губернии за 1914-1917 гг. свидетельствуют о том, что в каждом из них происходило снижение абсолютных показателей рождаемости и смертности, но в целом сохранялся положительный естественный прирост. Только с. Кермис Шацкого уезда Тамбовской губернии и с. Григорово Болховского уезда Орловской губернии в 1917 г. число смертей превысило число рождений³⁶.

Другими словами, можно с большой долей уверенности говорить о том, что крестьяне черноземных земледельческих регионов России продемонстрировали большой потенциал выживания в катастрофических условиях военного времени в сравнении с российским крестьянством в целом. Это подтвердили и демографические процессы нескольких последующих лет.

В 1917-1920 гг., т.е. в период «большой» Гражданской войны даже в общероссийском масштабе численность сельского выросла,

³⁵ Дьячков В.Л., Канищев В.В. Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. Сборник науч. статей. Отв. ред. Жиромская В.Б., Канищев В.В. М.-Тамбов, 2010. С. 81-87.

³⁶ Дьячков В.Л., Канищев В.В. Уровни применения демографических коэффициентов. С. 90; Жиров Н.А. Демографические процессы в Орловской губернии в начале XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. С.91-107.

пусть и на несколько десятых процента (см. приложение, табл.1). Такое могло произойти в результате значительного роста рождаемости крестьян, который перекрывал не только смертность оставшегося на месте сельского населения, но и гибель селян, призванных в Красную и Белую армии. При этом доля сельского населения в масштабах России поднялась выше уровня 1897 г., что в очередной раз свидетельствует об архаизации российского общества в годы Гражданской войны.

Тамбовские факты конкретизируют эти наблюдения. Так, численность сельского населения Тамбовской губернии в 1917 г. увеличилась более чем на 10%. (см. приложение, табл.1). Массовый стихийный возврат мужиков из армии уже в 1917 г. привел к резкому подъему рождаемости и сопряженной с ней младенческой смертности в 1918 г. Первая Мировая война с временным массовым отвлечением и относительно небольшой гибелью мужиков качественно не изменила природу демографических процессов в тамбовской деревне. В 1918 г. возврат к традиционному демографическому поведению крестьянства был очевиден. Такой вывод подтверждается некоторыми «робкими» демографическими примерами по соседним Орловской и Саратовской губерниям, а ретроспективно данными Книг Памяти погибших в Великой Отечественной войне, среди которых доля родившихся в 1918-1919 гг. оказалась значительно большей, чем у родившихся в 1915-1917 гг.³⁷

Особое значение для понимания демографического поведения крестьянства времен

³⁷ Дьячков В.Л., Канищев В.В. Уровни применения демографических коэффициентов. С. 90; Жиров Н.А. Демографические процессы в Орловской губернии в начале XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. С.90.

Гражданской войны, периода по которому сохранилось мало данных, мы придаем фрактальному моделированию, которое применительно к отдельным сельским социумам (населенным пунктам) Тамбовской губернии показало, что крестьяне, как и на предшествовавшем этапе, стремились придерживаться традиционного типа воспроизводства (относительно высокая рождаемость при относительно высокой смертности). Разброс аттракторов демографических интенций разных сёл в фазовом пространстве модели, в отличие от предшествовавшего этапа, достаточно значителен. Увеличение разброса в рамках принятой гипотезы можно объяснить «средовым шоком», стимулировавшим акцентуацию частных стратегий выживания. Говоря более привычным для историка языком, гражданская война в сочетании с политикой «военного коммунизма» вызвали большее стремление к индивидуальному выживанию (эффект «каждый умирает в одиночку»)³⁸.

На общероссийском фоне тамбовские данные еще раз говорят о большей способности крестьян сельскохозяйственных губерний к выживанию в кризисных исторических условиях. И все-таки с точки зрения рассматриваемой темы даже в «демографически благополучной» Тамбовской губернии в 1917-1920 гг. произошло новое отклонение от прогноза Д.И. Менделеева.

В 1920-1926 гг., хотя и произошел большой, чем в период Гражданской войны прирост числа селян, и это число даже несколько превысило уровень 1917 г. (см. приложение, 38 Дьячков В.Л., Жуков Д.С., Канищев В.В. Лямин С.К. Изучение демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1917-1920 гг. методами фрактального моделирования // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. С.131-149.

табл.1), отставание от «графика Менделеева» исчислялось уже более чем в 10 млн чел. Современные демографы считают, что в первой половине 1920-х гг. в целом по России компенсаторной рождаемости не произошло³⁹. В середине 1920-х гг. в Европейской России общий коэффициент рождаемости составил около 45‰, т.е. был ниже Гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) в 50‰. Но ведь и общий коэффициент смертности в мирных условиях 1921-1926 гг. понизился до 24‰⁴⁰. В итоге естественный прирост по Европейской России составлял более 20‰, т.е. выше предположенных Менделеевым темпов.

В Тамбовской губернии, в отличие от русского села в целом, в 1920-1926 гг. крестьянское население сократилось на 8% (см. приложение, табл.1). Изучение демографических последствий Гражданской войны (для Тамбовской губернии прежде всего «Антоновщины») на поселенном и сельсоветовском уровнях позволило увидеть что в целом для региона эти последствия не были катастрофическими, и даже во многих бывших повстанческих селах в 1925-1926 гг. наблюдалось обычное для аграрного общества демографическое поведение. Уровень рождаемости в указанной выборке был заметно выше общероссийского – 55‰, но и уровень смертности также был сравнительно высоким – 33‰, в целом же естественный прирост соответствовал общероссийскому – около 20‰. В части «антоновских» сел был определен некий порог в соотношении мужчин и женщин в конкретном селении (популяции), за которым рождаемость была заметно меньше обычной

39 Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений. 1946-1960. М., 2009. С.9.
40 Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений. 1946-1960. М., 2009. С.10.

– 47:53%. Вероятно, в этом нарушении полового баланса и проявились последствия гражданской войны вплоть до середины 1920-х гг.⁴¹

Фрактальным анализ тамбовских сельских населенных пунктов периода 1920-1926 гг. показал, что общество, пережившее средовой шок, вместо ожидаемого улучшения условий существования, столкнулось с многогранным кризисом. Можно предположить, что возникла качественно новая реакция на агрессивные факторы: традиционное общество задействовало новую схему адаптации – расширение приемлемости повышенной смертности. Стремление к компенсаторной рождаемости предшествовавшего этапа не было поддержано улучшением среды и ростом ресурсной базы – поэтому на фоне усиливающегося кризиса социум перешёл к более «диким» формам традиционного выживания («пассивное» сокращение выживаемости, т.е. сброс «лишнего» населения). В определенной мере в такую стратегию вписывается готовность к самопожертвованию десятков тысяч крестьян-участников «Антоновщины».

Предстоит еще выяснить, насколько конкретный социум был готов к выживанию в условиях голода 1921-1922 гг. Вместе с тем, пытаясь сбалансировать интенции, общество сокращало интенцию рождаемости. Доля стратегий с высокой смертностью в 1920-1926 гг. в губернии превысила пореформенный уровень (1860-1917 гг.), а доля стратегий с высокой рождаемостью сократилась по сравнению с этим этапом почти вдвое. Условно такой комплекс эффектов можно назвать центростремительной реакцией, которая была

41 Дьячков В.Л., Канищев В.В. Начальный этап агрегации поселенных демографических данных (по материалам книг ЗАГС сельских советов Тамбовской губернии 1925-1926 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Приложение. Кафедра Российской истории. – 2009. – С. 164-185.

связана с наличием векторов спасения и характерна для общества с «катастрофическим мышлением», выстраивающего свои стратегии как стратегии бегства от катастрофы или адаптации к катастрофе⁴².

Во второй половине 1920-х гг., по общему признанию российских историков, демографические процессы развивались в относительно благоприятном направлении. Однако нескольких благоприятных лет оказалось недостаточно для того, чтобы хоть как-то приблизиться к количественным «наметкам» прогноза начала века. Более того, с начала 1930-х гг. начался непрерывный процесс сокращения сельского населения России⁴³. В целом по России сокращение численности сельских жителей в 1926-1939 гг. составило около 3%, а в Тамбовской области – 11% (см. приложение, табл.1). В последующие десятилетия тамбовская деревня неизменно теряла большую долю жителей, чем сельское население России в целом. При этом удельный вес селян в составе всего российского населения уже в 1959 г. занимал менее половины. В Тамбовской области селяне стали меньшей частью населения только к 1980-м гг. (см. приложение, табл. 1).

42 Жуков Д.С., Канищев В.В. Лямин С.К. «Демофрактал»: индикаторы, шкалирование, результаты анализа для тамбовских сельских популяций периода 1920 – 1926 гг. // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Вып. 1. С. 298-308.

43 Жиромская В.Б. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений. 1946-1960. М., 2009; Вербицкая О.М. Социально-демографическое развитие сельского населения России в 1930-е гг. //Проблемы исторической демографии и исторической географии. Сб. научных статей по материалам Всероссийской заочной научной конференции «Проблемы исторической демографии и исторической географии», апрель 2007 г. / Под ред. Ю.А. Полякова. Нижний Новгород, 2008. С. 23.

Главной причиной убыли селян в 1930-1990-е гг. стало снижение рождаемости относительно уровня ГМЕР. Конечно, причины и темпы этого процесса в разные десятилетия заметно отличались. Уже в относительно благополучной второй половине 1930-х гг. общий коэффициент рождаемости в целом по России оказался почти на 10 % ниже естественного минимума⁴⁴. В сельской местности Тамбовской области в 1938 г. этот коэффициент был на российском уровне – 41 %, а в 1940 – упал до 30 %.⁴⁵ Уже эта цифра говорит о том, что о соответствии рождаемости ГМЕР для периода 1940-1947 гг. рассуждать нет смысла. А вот применительно к 1950 г. отметим, что рождаемость сельского населения составила 27,5‰, в Тамбовской области – 25,8‰⁴⁶. Не ставя пока задачу выяснить причины различия в этих цифрах, отметим очевидное: ни российские крестьяне в целом, ни тамбовское селяне к концу 1940-х гг. не приблизились к довоенному коэффициенту рождаемости. Компенсаторной рождаемости в относительных показателях явно не произошло. Мы уже не говорим об абсолютных показателях, поскольку промилле определялись от меньшего, чем до войны сельского населения. В последующие десятилетия рождаемость сельского населения страны только падала, дойдя в 2002 г. до 10,5‰ по российскому селу и целом и 7,9‰ – по Тамбовской области⁴⁷.

44 Жиромская В.Б. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений. 1946-1960. М., 2009. С.18.

45 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С. 62; ГАТО. Ф.Р-3688. Оп.1. Д.180. Л.39.

46 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С.62; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 51, 65.

47 Демографический ежегодник России. М., 2005.

К собственно демографическим катастрофическим факторам снижения численности российского населения в XX в. и его сельской части в особенности следует отнести все те обстоятельства, которые вызывали разрушение женского здоровья и плодovitости в чрезвычайных обстоятельствах войн, репрессий, голода и «мирных» социальных пертурбаций, потерю супруга в плодovитом возрасте, повышение брачного возраста или безбрачие из-за гибели значительной части женихов, насильственный перевод в иной жизненный уклад⁴⁸. (см. рис. 2 приложения).

Наиболее очевидным свидетельством системной демографической катастрофы было резкое снижение в течение XX в. числа детей, рожденных «средней» российской женщиной. В начале столетия российские женщины рожали в среднем по 8-11 живых детей. Через полвека этот показатель упал до 2-3,5 ребенка, а еще через 10-15 лет «нырнул» под принципиальную планку с цифрой 2, и, наконец, к концу века опустился ниже единицы. У тамбовских селянок, родившихся в 1880-е – 1970-е гг. которые детально обследованы анкетным путем (около 6 тысяч анкет на август 2011 г.) среднее число детей сократилось за век с 7,6 до 1,6. Всего за 3 десятилетия (женщины, родившиеся в 1899-1905, 1906-1912, 1913-1919 гг.) происходит обрушение среднего числа живых детей с 5-10 у поколения 1892-1998 гг. рождения до 2-4 у поколения 1913-1919 гг. рождения. Затем на протяжении семи 7-лeтий число детей во всех группах сползает до 1,5-1,7 ребенка. Факторы обрушения для поколений, по плодovитой деятельности которых «проехали» события 1914-1947 гг., очевидны: доля крестьянок, 48 См. Дьячков В.Л. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. и социально-демографическое развитие Тамбовской области.

ставших колхозницами, сократилась в 3 раза, доля сельских женщин, применявших аборт, выросла с 0-5% до 50-65%; доля женщин с непроизвольными выкидышами и мертворождениями превысила биологический минимум в 2,5-6 раз; в 2-4 раза выросли доли семей, в которой один из супругов погиб при незавершенном периоде женской плодовитости.⁴⁹

На первый взгляд, эти средние «температуры по российскому роддому» отражают закономерную эволюцию семьи в русле модернизации, индустриализации, культурной революции и урбанизации. Настораживает скорость падения – за 50 лет среднее число детей в российской семье сократилось более чем в 3 раза. Западноевропейские страны от меньшего индекса в 5-6 детей к индексу в 2-3 ребенка эволюционировали по три-пять столетий.

Нужно учитывать и модернизационно-эволюционные факторы, понижавшие число детей в семьях: добровольное, долговременное и значительное повышение возраста вступления женщины в брак (с 17-20 в 1900-е – 1920-е гг. до 20-26 лет в 1950-е – 1970-е гг.), повышение уровня образования вместе с распространением эффективной и не калечащей контрацепции, добровольную смену крестьянского уклада на уклад, не требующий большого количества детей. Любая некрестьянская, хоть и сельскохозяйственная, семья объективно уже не требовала многих детей. Колхозной доярке с мужем-трактористом и огородом в 40 «соток» ни 8, ни 6, ни даже трое детей экономически были не нужны.

Еще одним «катастрофическим», социальным и одновременно биологическим фактором снижения числа детей является бездет-

ность замужних женщин из-за первичного или вторичного бесплодия. Доли числа женщин с первичным бесплодием вырастали в циклические периоды сброса избыточного демографического давления. Вторичное бесплодие в разных сочетаниях обеспечивалось калечащей практикой абортов, тяжелым физическим трудом и работой на вредных производствах, заболеваниями половой сферы, приобретенными в добрачной и супружеской половой жизни. Мигрантки в города и горожанки «законно» во все времена удерживали первенство по вторичному бесплодию. Только раз их догнали селянки, чье детство, юность и молодость пришлось на войну со всеми ее испытаниями для женского здоровья и на трудный быт и тяжкий труд первых послевоенных лет.

«Пионерками» нормальной контрацепции были, конечно, горожанки 1892-1898 гг. рождения. Вскоре их догоняют мигрантки 1899-1905 гг., в селе же контрацепция быстро идет в рост, начиная с поколения женщин 1913-1919 гг. рождения. Сплетенные линии развития контрацепции и абортов робко разлучаются в пользу контрацепции довольно поздно. Первыми останавливают распространение абортов, охвативших уже 70% женщин, горожанки 1948-1954 гг. рождения. Такие же «ножницы» образуются одновременно у мигранток и селянок 1955-1961 гг. рождения, но все равно аборты применяли от 56% до 70% женщин во всех группах. И только нынешние 30-ти – 40-летние женщины значительно сократили применение абортов до 28%-40%, доведя одновременно долю предохраняющихся от 71% среди мигранток до 100% среди маленькой группы селянок 1969-1975 гг. рождения.

Еще одним сильным собственно демографическим фактором снижения числа детей является существенное повышение возрас-

⁴⁹ См. Дьячков В.Л. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. и социально-демографическое развитие Тамбовской области.

та замужества. Рассуждая а priori, надо было ожидать такого повышения у наших женщин в XX в. Но исторически было не так. Начав с весьма низкой возрастной планки в 17,5-18 лет для всех групп «анкетных» невест рубежа XIX-XX вв., возраст первого замужества за 30 лет доползает до 19,4-21,4 года. Эти два-три года разницы могли «стоять» рождений 1-2 детей. В последовавших поколениях 1913-1919 гг. и особенно 1920-1926 гг. рождения следует скачкообразное повышение среднего возраста первого замужества до абсолютных пиков в 21,8-22,6 года. Но, с одной стороны, российская «средняя» невеста в 22 года – не «модернизированная» западноевропейская невеста 28-30 лет. Максимальное «постарение» невест на 4,5 года не могло обеспечить промежуточного более чем двукратного уменьшения числа детей, рожденных женщинами 1920-1926 гг. рождения. С другой стороны, такое повышение было не столько результатом сознательного, «культурно-эволюционного» выбора женщины, расстававшейся с традиционным, крестьянским брачным поведением, сколько следствием чрезвычайных обстоятельств Великой Отечественной войны, а значит, не могло быть прочным и прямо связанным с сознательным уменьшением числа детей. Первое же поколение послевоенных невест начинает «играть на понижение» среднего возраста замужества и через сорок лет доводит его во всех группах до 19,8-20,4 лет – возраста первого замужества своих бабушек и прабабушек 1906-1912 гг. рождения с одной только разницей – число детей у современных женщин в отличие от их бабушек в 1930-е гг. с почти 5-ю «средними» детьми в достигло нынешнего абсолютного минимума в 1,15 ребенка.

Во второй половине XX в. проявился уникальный российский процесс «омоложения»

невест, сопровождавшийся взлетом доли распавшихся браков до 80%. Этот вопрос требует отдельного подробного рассмотрения. В данной статье мы ли назовем его главные совокупные причины:

- а) легализация «молодеющего» начала половой жизни на фоне и в условиях инерционного угасания моральных запретов традиционной семьи; этакая запоздавшая сексуальная революция по-русски, по-советски;
- б) понижение возраста полового созревания за счет сочетания улучшения питания населения и ритмических колебаний возраста начала месячных;
- в) «старый» фактор ритмического повышения долей «лишних» невест, усиленный социальным снижением количества и «качества» приемлемых женихов в последних советских и первых постсоветских десятилетиях из-за пьянства, наркомании, трагических смертей.

Но понижение возраста первого брака невест не привело к рождением большего числа детей.

Наконец, при определении причин сокращения числа рождений у российских женщин XX в. (и городских, и сельских) следует учитывать широкое распространение в сравнении с традиционным обществом начала столетия безбрачия женщин. На отдельных отрезках оно достигало очень заметных размеров. Приведем только один пример. В 1940 г. в Тамбовской области коэффициент брачности оказался на 7% меньше традиционного в 10-11%. В условиях конкретного года это означало невступление в брак примерно 6 тыс. девушек и соответственно непоявление на свет почти такого же числа детей. Предположительно распространив это явление на всю демографически «благополучную» вто-

рую половину 1930-х гг., можно получить число не родившихся детей примерно в 30 тыс. чел., что сопоставимо с числом высланных из области кулаков. Другими словами, сугубо катастрофические потери необходимо сравнивать с собственно демографическими.

При этом оговоримся, нельзя увлекаться слишком абстрактными предположениями. Так, сокращение брачности в конце 1930-х гг. было связано не только с особым поведением какой-то части эмансипированных советских девушек, не стремившихся рано вступать в брак, но и с немногочисленностью этого поколения невест, родившихся в самых тяжелых для Тамбовщины 1920-1922 гг.

Нужно искать и другие материалы, позволяют оценочно предположить масштабы неродившихся детей, чтобы понять отставание от «графика Менделеева». В частности, можно посчитать число детей, не появившихся на свет вследствие снижения общего коэффициента рождаемости относительно ГМЕР. Так, в 1940 г. в Тамбовской области этот коэффициент составил 30‰ и недобрал до естественного минимума 20 пунктов. В абсолютных цифрах это означало то, что родилось на 32 тыс. детей меньше, чем было бы по нормам начала XX в., из которых исходил Д.И. Менделеев. Применив такой же подход к показателям рождаемости в 1950, 1960, 1970, 1980, 1990 гг. мы опять-таки получили для отделенного года значения в 20-30 тыс. неродившихся детей⁵⁰. Понятно, что эти расчеты из области солагательного наклонения, но, думается, они важны для понимания механизмов демографических процессов, особенно того, что собственно демографические потери были выше, чем непосредственно катастрофические.

⁵⁰ 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С.60-62.

Понятно, что изменение численности любого населения зависит не только от рождаемости, но и от смертности, а, в конечном счете, их баланса в виде естественного прироста. В начале XX в. высокий естественный прирост определялся еще высокой (на уровне ГМЕР) рождаемостью и уже начавшей снижаться до среднего уровня смертностью, что и давало среднегодовой естественный прирост в 15 ‰ или 1,5%, из которых исходил Д.И. Менделеев в своих прогнозах.

Но такой высокий прирост, как уже отмечалось, отмечался только на коротких отрезках уже в первой половине XX в. Помимо отмеченного отрезка 1920-х гг., 1,5-процентный и даже более высокий естественный прирост в российской деревне в целом достигался во второй половине 1930-х гг., в конце 1940-х – 1950-е гг.

В Тамбовской области подобные проявления были реже. Во всяком случае, в конце 1930-х гг. разность между рождаемостью и смертностью едва превышала 10‰ и только в 1950-м и 1960-м гг. держалась в сельской местности на уровне 15 ‰⁵¹.

С 1970-х гг., как в России в целом, в тамбовской деревне естественный прирост стал резко сокращаться. С одной стороны, это предопределялось эволюционным сокращением рождаемости, с другой, – повышением смертности. После падения в 1950-1960-е гг. до сверхнизкого уровня (менее 10‰), смертность стала расти и даже приближаться к среднему уровню начальной стадии демографического перехода в России первой трети XX в.⁵²

⁵¹ 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С.62.

⁵² Демографический ежегодник России, 2001: Стат. сборник. М., 2002. С. 57; 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области.

Некоторые специалисты считают, что кризис смертности 1966-2000 гг. привел к преждевременному уходу из жизни 14 млн чел. или почти десятой части россиян⁵³. В тамбовском селе избыточная смертность стала заметно проявляться в 1970-е гг. В 1980 г. она превысила низкий показатель на 7‰, что в абсолютном измерении составляло 40 тыс. чел. за год, в 1990 г. – соответственно 8‰ и 45 тыс. чел.⁵⁴ Понятно, что за 20 лет конца века общее число «сверхмерно умерших» тамбовских селян насчитывало более 800 тыс. чел. – больше, чем жило здесь в 1980 г.

В общероссийском масштабе главные причины смертей, обусловившие эти огромные потери населения, прежде всего мужского – болезни системы кровообращения и почти в такой же мере – внешние причины⁵⁵. В тамбовском, как и любом другом российском селе, причины избыточной по меркам конца XX в. смертности имели более естественный характер. Если в первые десятилетия века смертность главным образом определялась свойственной для традиционного общества высокой смертностью младенцев и детей, то в 1970-е и последующие годы столетия повышенный коэффициент смертности был печальным итогом старения сельского населения, началом ухода из жизни достигших преклонного возраста представителей огромных поколений 1910-х, а затем 1920-х гг. рождения.

При этом общий коэффициент смертности усиливался ввиду массового «вымывания» из села молодежи и соответственно меньшей рождаемости. В сельской местности Тамбов-Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С.62.

⁵³ Демографическая модернизация России.

⁵⁴ 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С.60-62.

⁵⁵ Демографическая модернизация России.

ской области в 1959 г. доля молодых людей составляла почти треть, а стариков – только 15%. К 1990 г. возрастной расклад изменился почти полностью в обратную сторону: пожилые люди, старше трудоспособного возраста, имели удельный вес в 30%, а молодежь, не достигшая трудоспособного возраста – менее 20%⁵⁶.

В демографической литературе отмечается, что процесс старения общества начинается, когда как минимум 7% его членов составляют лица старше 60 лет и старше. В РСФСР этот показатель уже в 1959 г. равнялся 9%, а концу XX в. удвоился⁵⁷. В Тамбовской области он превысил указанный минимум в 4 с лишним раза.

Самым непредвиденным результатом резкого сокращения рождаемости и некоторого роста смертности в конце XX в. стал отрицательный показатель естественного прироста сельского населения. В 2002 г. в целом по российскому селу он равнялся (-7,7‰), а в Тамбовской области – (-4,5‰)⁵⁸.

В конечном вековом итоге, первая и вторая половины XX в. продемонстрировали разные парадигмы с перерастанием одной в другую, но одинаково обеспечивавшие непрерывное и исторически стремительное падение плодovitости, как части процесса разрушения российской социально-демографической системы и подтверждения нереальности менделеевского прогноза. Сначала то и (или) иное в тяжелых жизненных обстоятельствах женщины, ее семьи непреодолимым образом мешало иметь желанных, нужных и многих детей. Затем уже реальные или возможные

⁵⁶ 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области. Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997. С.61.

⁵⁷ Жиромская В.Б. Война и старение российского населения // Российская история. 2010. № 4. С. 54.

⁵⁸ Демографический ежегодник России. М., 2005.

дети мешают женщине и ее семье жить «для себя» в несравнимо лучших условиях жизни, часто независимо от рода занятий женщины и уровня материального достатка в семье. На это указывает и то, что род занятий женщины плохо коррелирует с контрацепцией, и то, что у тех же нынешних сельских домохозяек детей столь же мало или лишь чуть больше, чем у городской чиновницы. Парадигма эта уже имеет довольно долгую «историю болезни» (напомним, что «демографический крест» в коренной России образовался не вчера, а на рубеже 1960-х-1970-х гг.), и надежды на нынешнюю не вполне достаточную и уж точно запоздалую программу поощрения деторождений, скорее всего, обернутся фрустрацией.

Наверное, преобладание «катастрофических» или, наоборот, «культурно-эволюционных» факторов в деле разрушения традиционной социально-демографической системы обеспечивает различные «эквивалентности» этого процесса и различные перспективы существования популяции. Популяция, в которой запущен механизм демографической катастрофы, умирает, очищая пространство для новых «пассионариев», и подобное не раз бывало в истории человечества. «Мирная» эволюция обеспечивает продолжение жизни обновляющейся популяционной системы. Не хочется думать, но похоже, что наш вариант – первый.

Таким образом, основное дело в том, что прогноз роста российской населения в XX в., сделанный Д.И. Менделеевым в самом начале столетия на основе темпов предыдущего века, не сбился главным образом из-за разрушения традиционной крестьянской семейной модели демографического поведения. В первую очередь это было сделано факторами «катастрофического» свойства. Воздействие модернизации и урбанизации постепенно

замещает их, начиная с поколения 1920-х гг. рождения, вступившего в стадию воспроизводства населения в середине XX в.

Литература

Вербицкая О.М. Социально-демографическое развитие сельского населения России в 1930-е гг. // Проблемы исторической демографии и исторической географии. Сб. научных статей по материалам Всероссийской заочной научной конференции «Проблемы исторической демографии и исторической географии», апрель 2007 г. / Под ред. Ю.А. Полякова. Нижний Новгород, 2008.

Дьячков В.А. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. и социально-демографическое развитие Тамбовской области.

Дьячков В.А. Межвоенная интерлюдия: Социально-демографическое развитие Тамбовского края в 1914 – июне 1941 гг. // Вестник Тамбовского университета. (Приложение к журналу). Кафедра российской истории. Тамбов, 2009.

Дьячков В.А. Репрессии 1941-1945 гг.: методология изучения и фактор военного социально-демографического развития Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Вып.8.

Дьячков В.А., Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Изучение демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1917 – 1921 гг. методами фрактального моделирования // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке (сб. ст.). Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010.

Дьячков В.А., Канищев В.В. Начальный этап агрегации поселенных демографических данных (по материалам книг ЗАГС сельских со-

ветов Тамбовской губернии 1925-1926 гг.) // Вестник Тамбовского университета. (Приложение к журналу). Кафедра российской истории. Тамбов, 2009.

Дьячков В.Л., Канищев В.В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920-1990-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Вып.8.

Дьячков В.Л., Канищев В.В. Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. Сборник научных статей. Отв. ред. Жиромская В.Б., Канищев В.В. М.-Тамбов, 2010.

Жиров Н.А. Демографические процессы в Орловской губернии в начале XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке.

Жиромская В.Б. Война и старение российского населения // Российская история. 2010. № 4.

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М., 2001.

Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений. 1946-1960. М., 2009.

Жуков Д.С., Канищев В.В. Лямин С.К. «Демофракта́л»: индикаторы, шкалирование, результаты анализа для тамбовских сельских популяций периода 1920 – 1926 гг. // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Вып. 1.

Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998.

Приложение

Таблица 1. Изменения численности сельского населения России и Тамбовской области (в современных границах) в XX в. (в млн чел.)

Масштаб	1897	1917	% изм. в 1897-1917	1920	% изм. в 1917-1920	1926	% изм. в 1926-1920	1939	% изм. в 1939-1939	1950	% изм. в 1950-1950	1959	% изм. в 1959-1959	1989	% изм. в 1989-1989	2002	% изм. в 1989-2002
Россия абс.	57,6	75,5	+31,1	75,7	+0,3	76,3	+0,8	74,2	-2,8	57,0	-18,1	55,9	-1,9	39,0	-30,2	38,9	-0,3
% от всего нас.	85	83		86		82		69		55		48		26		27	
Тамбовская область абс.	1,40	1,77	+26,4	19,6	+10,7	1,80	-8,0	1,60	-11,1	1,24	-25,0	1,14	-8,3	0,68	-45	0,55	-13,6
% от всего нас.	93	92		93		89		85		80		74		44		42	

Источники: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 51, 65.

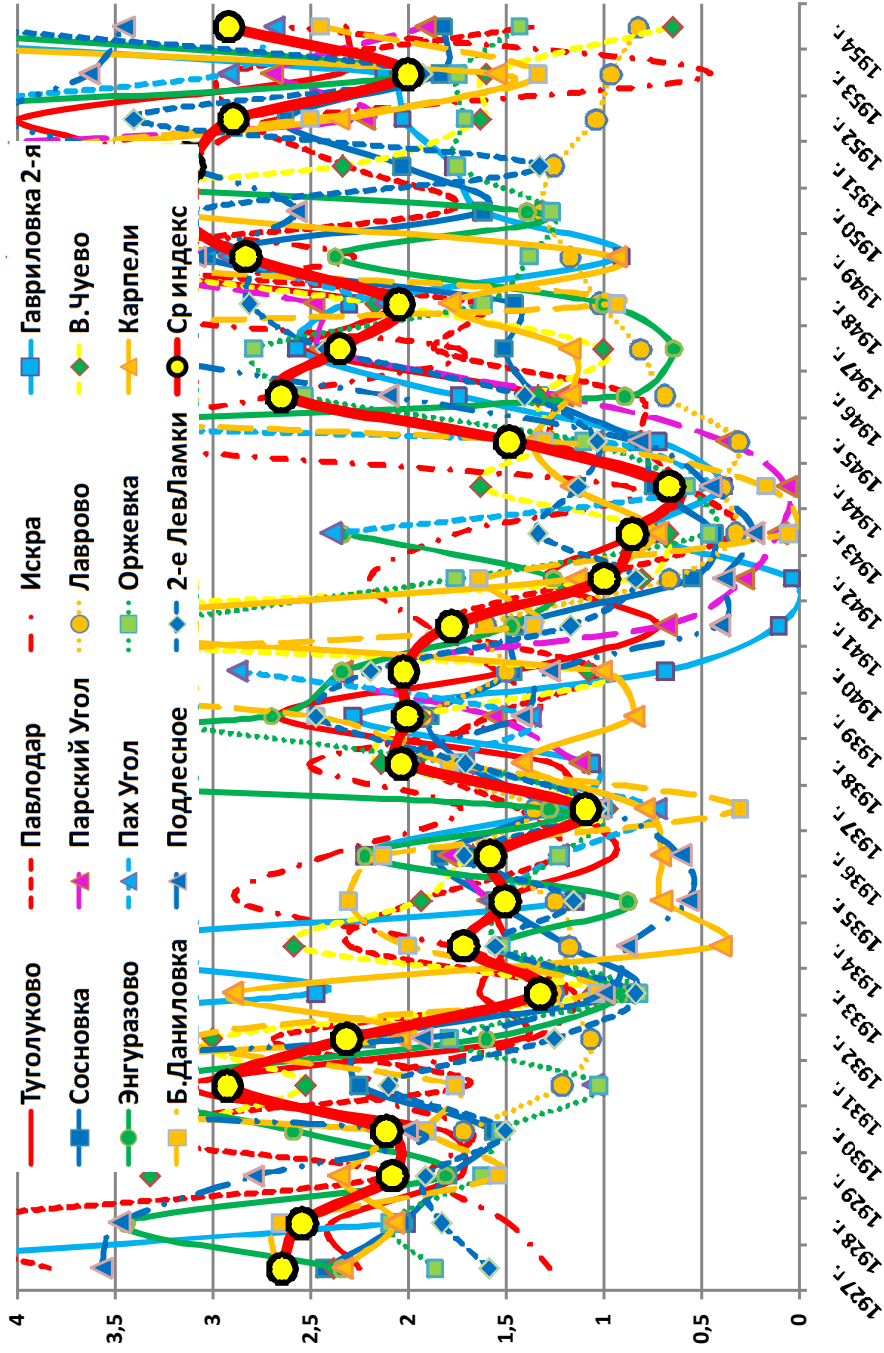

Рисунок 1. Движение индекса прироста (Покровского-Пирла) в 15 сельских населенных пунктах Тамбовской области по годам четырех циклических 7-летий 1927-1954 гг.

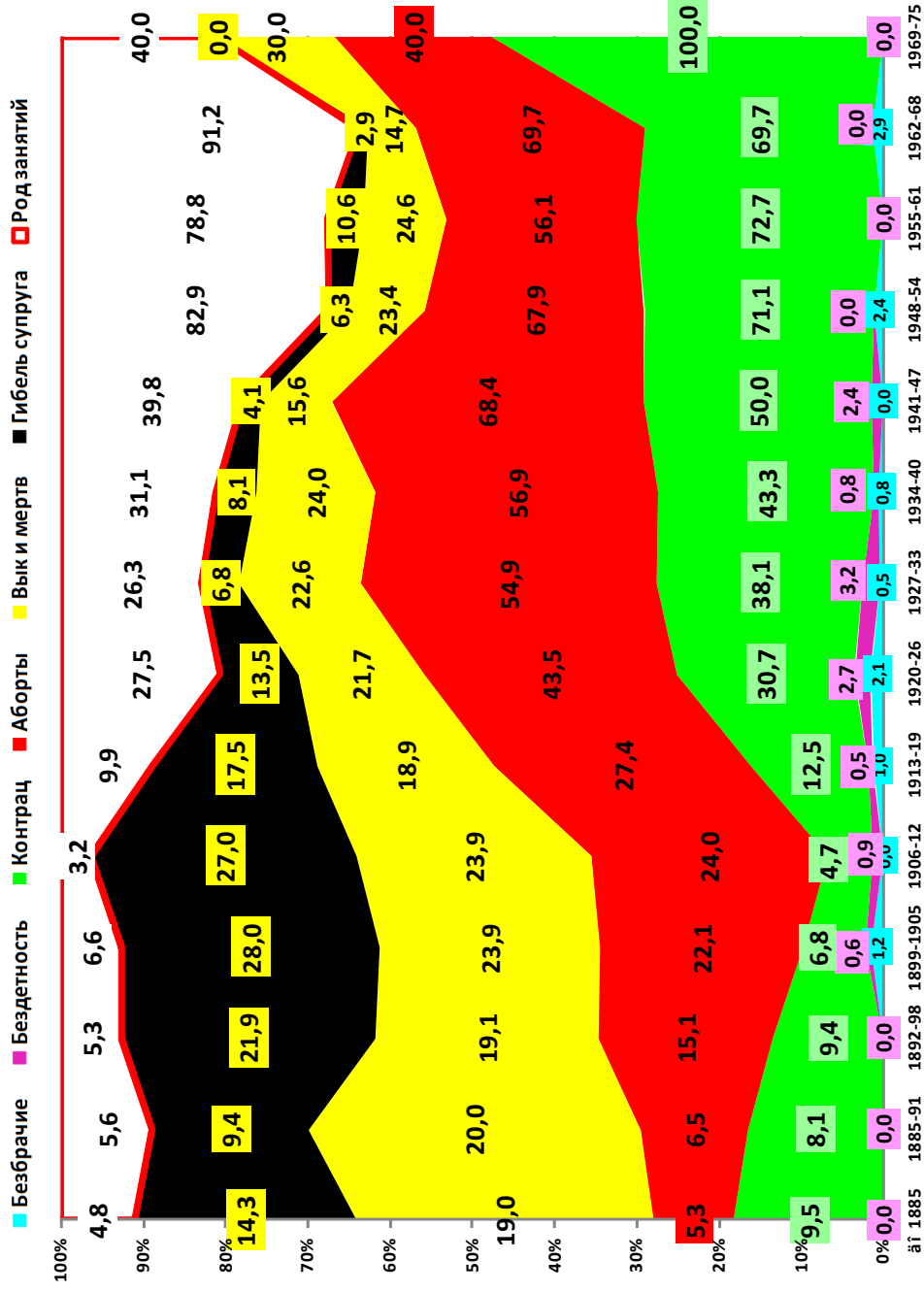

Рисунок 2. Движение синергизма факторов, снижавших плодородность 6700 женских анкет по 7-летиям их рождения (% присутствия фактора в когорте). Основные обозначения: «контрац» – контрацепция, «вык» и «мертв» – выкидыши и мертворожденные.